

Современныя неопредѣленность и неустойчивость оди- ночнаго обученія въ кавалеріи.

Вѣренъ, что каждый офицеръ-кавалеристъ, — прослужив-
шій достаточное количество времени въ строю, искренно
преданный своей специальности, внимательно слѣдящій
за всѣми нововведеніями и производимыми занятіями, —
не могъ не замѣтить, что дѣло мирной подготовки кавалериста къ
войнѣ, за послѣднія пять, семь лѣтъ, приняло характеръ какого-то
неопредѣленнаго шатанія, какого то бросанія изъ стороны въ сто-
рону.

Къ тому же горькій опытъ злополучной компаніи привелъ къ
сознанію въ необходимости существенныхъ реформъ въ дѣлѣ управ-
ленія, воспитанія и обученія. Но это сознаніе, не получая, — по
совершенно необъяснимымъ причинамъ, — никакого опредѣленнаго
удовлетворенія въ лицѣ вновь выработанныхъ положеній, сообщило
этому шатанію, за послѣдніе годы, еще большую интенсивность.

Вполнѣ понятно, что такая неопредѣленность, продолжающаяся
солидное число лѣтъ, совершенно недопустима въ военномъ дѣлѣ
вообще, а тѣмъ паче въ живомъ и сложномъ кавалерійскомъ, свя-
занномъ къ тому же съ такимъ требовательнымъ и дорогимъ мате-
ріаломъ, какимъ является конскій составъ.

Цѣль настоящей замѣтки будетъ заключаться именно въ томъ,

чтобы охарактеризовать это неопредѣленное положеніе,—пережи-
ваемое нами,—разобрать причины его и тотъ вредъ, который про-
истекаетъ отъ этого.—При этомъ, постараюсь непоколебимо стоять
въ положеніи безпристрастнаго наблюдателя.

Прежде всего прослѣдимъ за участіемъ вводимыхъ у насъ ноло-
женій, касающихся того или другого вопроса.

Къ сожалѣнію, но мы должны будемъ придти къ печальному
заключенію, что во многихъ случаяхъ эти положенія удивительно
скоро-проходящи!—Вдругъ лихорадочно схватятся за какую нибудь
отрасль обученія или управленія. Не только словами пропаганди-
руютъ ее, но самыми настойчивыми мѣрами начинаютъ примѣнять
ее на практикѣ...—Пройдетъ два, три года, и эта, вновь-излюблен-
ная, отрасль не только не привилась надлежащимъ образомъ, но
исчезла безслѣдно, какъ будто это новведеніе никакого смысла не
имѣло, а энергичныя мѣры для привитія его были не болѣе, какъ
временный капризъ!

Вспомнимъ, напримѣръ, какъ когда то съ необычайнымъ рве-
ніемъ взялись за обученіе плаванію. Плавали съ конями, плавали
и на бурдюкахъ; обучали приѣмамъ плаванія даже на сушѣ—на
скамьяхъ! На маневрахъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, переправ-
лялись вплавь. Было принесено даже нѣсколько жертвъ въ лицѣ
лошадей, погибшихъ при этихъ упражненіяхъ!.. Однако прошло
два, три года, и все благое начинаніе не только не было введено въ
систему обученія, но было почти-что всѣми забыто.—Бурдюки, въ
цейхгаузахъ нѣкоторыхъ частей, сдѣлались достояніемъ крысъ, а о
плаваніи осталось одно лишь легкое воспоминаніе въ наставленіи
для веденія занятій въ кавалеріи!..

Мнѣ могутъ возразить, что плаваніе въ такомъ то и такомъ то
полку вполне прочно обосновалось и процвѣтаетъ во всей своей
силѣ.—Но это послужитъ только лишнимъ доказательствомъ того,
что эта *важная отрасль* обученія, при извѣстномъ требованіи на-
чальства, можетъ твердо привиться къ программѣ обученія, а во
вторыхъ, что у насъ не существуетъ «наставленія для веденія за-
нятій» *обязательнаго для всѣхъ*: никому не возбраняется, по лич-
ному усмотрѣнію, отбрасывать то, что кажется излишнимъ и неу-
добнымъ.

Не менѣе курьезныя перепетія пережило дѣло обученія теле-
графированію.—Я говорю только о двухъ, мнѣ извѣстныхъ, дивизі-
яхъ.—Было время, когда офицеры и нижніе чины ежегодно ко-
мандировались съ этою цѣлью въ соотвѣтствующія саперныя части.

Въ періодъ зимнихъ занятій, въ полкахъ усидчиво изучали азбуку Морзе, усиленно практиковались въ передачѣ и пріемѣ депешъ и т. под... Затѣмъ командировки неожиданно прекратились, и телеграфированіе постепенно предалось забвенію!.. Теперь, какъ говорятъ, снова примутся горячо за это дѣло.— Неужели былъ необходимъ горькій опытъ войны, чтобы заставить насъ убѣдиться въ насущной потребности этого обученія и доказать намъ всю несостоятельность исключенія его изъ программы.

Обратите вниманіе на степень точности выполненія положенія объ обязательномъ участіи кандидатовъ на полкъ въ парфорсныхъ охотахъ.— Въ первые годы установленія этого нововведенія никакія исключенія, ни подъ какимъ видомъ, не допускались; но затѣмъ, постепенно, исключенія стали повторяться все чаще и чаще, и законное положеніе стало все болѣе и болѣе пошатываться въ своемъ основаніи.— Не буду высказывать личнаго взгляда на степень цѣлесообразности парфорсной охоты, какъ рѣшающей аттестаціи для полученія полка; скажу только, что безъ всякаго сомнѣнія, при введеніи этихъ, — рѣшающихъ судьбу офицера, — правилъ, руководствовались навѣрно самыми серьезными и твердо-обоснованными соображеніями, тѣмъ болѣе, что мѣра эта пріобрѣтала мѣсто перво-степенной и даже *роковой* важности... И вдругъ, безъ всякой видимой причины все это строжайше обдуманное постановленіе начинаетъ терять свой смыслъ: — полковники, минуя эту важнѣйшую аттестацію, беспрепятственно получаютъ полки...

Какое громадное значеніе въ смыслѣ команднаго состава кавалеріи представляетъ изъ себя не такъ давно установленный способъ аттестаціи старшихъ офицеровъ.— Мнѣ кажется излишнимъ говорить, что при строгомъ и точномъ исполненіи всѣхъ правилъ, предписанныхъ утвержденнымъ положеніемъ, можно бы было быть увѣреннымъ, что только *дѣйствительно* достойные, во всѣхъ отношеніяхъ, офицеры будутъ получать соответствующія повышенія, а весь «мертвый грузъ» — будетъ своевременно удаленъ.— Безусловно это учрежденіе въ значительнѣйшей степени должно было повысить подготовленность старшаго офицера въ своей спеціальности, повысить умственные, нравственные и служебныя качества его. Въ свою очередь все вышесказанное непосредственно отразилось бы въ самую положительную сторону на дѣлѣ управленія, обученія и воспитанія подчиненныхъ.— Но, вѣроятно, каждый хорошо понимаетъ, что вся сила, весь смыслъ этого, выдающагося по своимъ послѣдствіямъ, нововведенія теряется при малѣйшемъ произволѣ,

при отдаленномъ намекѣ на лицепріятіе, при двухъ, трехъ несправедливостяхъ.. — Къ величайшему сожалѣнію, нельзя не замѣтить, что и этого полезнѣйшаго нововведенія уже успѣла коснуться наша всеокрушающая, болѣзненная потребность къ уклоненіямъ и побрякамъ.

Ограничусь приведенными примѣрами. Они ясно указываютъ, что даже очевидная, сознаваемая всѣми, польза, безусловная необходимость того или другого положенія, получившія даже силу закона, не принимаютъ у насъ устойчиваго характера, а наоборотъ всѣми правдами и неправдами обходятся и зачастую окончательно забываются. Ужь это одно свойство наше обрекаетъ насъ на безпросвѣтное шатаніе, и путь къ совершенствованію очевидно затрудняется.

Теперь перейдемъ къ нашимъ увлеченіямъ, какъ къ одной изъ важнѣйшихъ причинъ неустойчиваго положенія въ дѣлѣ обученія и воспитанія.

Переходное состояніе, *какъ результатъ сознанія въ необходимости реформъ*, въ каждомъ дѣлѣ порождаетъ горячихъ сторонниковъ той или другой мѣры, тѣхъ или другихъ новшествъ. Всекогда, при такомъ положеніи эти приверженцы своихъ идей, — *не обузданные своевременно извѣстными рамками*, — тянутъ каждый въ свою сторону, порождая въ общемъ дѣлѣ какую то неразбериху и сумбуръ. Всевозможныя увлеченія, со всѣми ихъ послѣдствіями, играютъ въ данномъ случаѣ самую видную роль. — Съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя не сознаться, что трудно и не увлечься въ ту или другую сторону и не ратовать горячо за проведеніе въ жизнь той или другой идеи; надо быть совершенно безнадежнымъ ипохондрикомъ или не любить своего дѣла, чтобы остаться индифферентнымъ ко всему происходящему.

На мой взглядъ, кавалерія въ настоящее время переживаетъ положеніе очень подходящее къ только что описанному. Прислушайтесь къ проповѣдникамъ той или другой идеи; увлеченные ею, они преимущественно *только въ ней одной* видятъ всю суть дѣла. — Вы можете, на примѣръ, услышать такую громкую, проникнутую полнымъ убѣжденіемъ, — фразу: — «Мнѣ не нужно ѣзды! Покажите, какъ ваши люди берутъ препятствія, и я скажу вамъ, какъ они ѣздятъ!» — или: — «Вся суть въ гимнастикѣ! Только она одна можетъ выработать настоящаго кавалериста, развить его физически и даже умственно!» — Кромѣ этихъ фанатиковъ препятствій и гимнастики вы найдете не менѣе убѣжденныхъ сторонни-

ковъ скачекъ, стрѣльбы, духовно-нравственнаго развитія и, наконецъ, защитниковъ коренной переработки всей программы обученія вообще.

Начавъ говорить о нашихъ увлеченіяхъ, долженъ прежде всего сказать, что вслѣдствіе отсутствія въ русской натурѣ достаточной инициативы, изобрѣтательности и подвижности, результатомъ чего является вѣковая привычка къ слѣпому подражанію западу, — не мало возрѣній и увлеченій почерпываются нашими пропагандистами реформъ изъ чужестранныхъ армій. — Думается, что уже въ этомъ одномъ кроется значительная ошибка, — многое, что хорошо и примѣнимо на западѣ, совершенно не соотвѣтствуетъ нашимъ условіямъ.

Прежде всего нельзя не считаться съ тѣмъ, что общій уровень умственнаго и физическаго развитія нашего простолюдина стоитъ неизмѣримо ниже, чѣмъ тамъ; а значить, всѣ теоретическія и практическія свѣдѣнія вниѣдряются солдату съ несравненно большимъ успѣхомъ у нихъ, чѣмъ у насъ. — Нельзя не принять во вниманіе разницу въ климатическихъ условіяхъ: трескучіе морозы, глубокій снѣгъ и ненастье, — свойственные нашему климату, — въ значительной степени служатъ помѣхой практическому обученію въ полѣ. — Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ и сортъ конскаго состава на западѣ въ сравненіи съ нашимъ.

Принимая во вниманіе всѣ эти, неблагоприятныя для насъ, условія, намъ остается только, — присматриваясь къ нашимъ сосѣдямъ, чтобы не отстать отъ нихъ, — разумно *дѣлать свое дѣло*, ни въ комъ случаѣ не загромаждая наше обученіе различными, — неподходящими для насъ — ненужностями.

Ко всему сказанному долженъ прибавить, что въ нашихъ увлеченіяхъ западомъ мы, въ большинствѣ случаевъ, выхватываемъ, такъ сказать, казовую сторону дѣла, не сущность его, а фурористые номера его. — Подъ впечатлѣніемъ какого нибудь невѣроятнаго пробѣга въ Германіи или Франціи, слета гимнастическихъ соколовъ въ Прагѣ или моментальнаго снимка спалзывающаго съ феноменальной кручи всадника въ Италіи, — мы завораживаемся... — Немедленно находятъ горячія головы, которыя съ иѣною урта принимаютъ доказывать, что въ этихъ «трюкахъ» и заключается вся сущность дѣла, весь апоозъ обученія. — А между тѣмъ не казовая сторона, а глубокій и прочный фундаментъ, на которомъ зиждется все благополучіе и процвѣтаніе арміи, — остается безъ надлежащей оцѣнки, безъ надлежащаго вниманія къ увлеченію и подражанію.

Наибольшій вредъ, проистекающій отъ нашихъ увлеченій, — какъ отъ всякихъ увлеченій вообще — заключается въ томъ, что въ нихъ *нѣтъ должнаго чувства мѣры*. Къ сожалѣнiю, мы не даемъ себѣ труда серьезно и хладнокровно вникнуть въ сущность дѣла, въ степень пользы того или другого новшества и не умѣемъ безпристрастно отвести ему подобающее мѣсто. — Нѣтъ!... Излюбленная идея захватываетъ насъ цѣликомъ, мы возводимъ ее въ культъ, она ослѣпляетъ насъ. — Это не всесторонне — взвѣшенная мысль реформы а пароксизмъ страстнаго, но слѣплаго увлеченiя, — къ тому же, принимая во вниманiе, что убѣжденiя при этомъ бываютъ крайне разнообразны и даже противоположны, вредъ отъ такого броженiя, — не получая опредѣленнаго удовлетворенiя, — въ значительной мѣрѣ усугубляется.

Нельзя забывать, что основныя требованiя, предъявляемыя къ солдату — кавалеристу, такъ разнообразны и *вмѣстѣ съ тѣмъ* каждое требованiе, само по себѣ, такъ важно, что дай только Вогъ, чтобы въ четырехъ-лѣтнiй срокъ удалось нашего сиволапаго, неразвитого мужичка преобразить въ болѣе или менѣе сноснаго кавалериста. Каждый офицеръ, стоявшiй близко къ воспитанiю и обученiю солдата, можетъ засвидѣтельствовать: какъ много настойчиваго труда требуется, чтобы приготовить только посредственнаго *ѣздока*, развѣдчика, стрѣлка и т. под., какъ быстро испаряются у него прiобрѣтенныя свѣдѣнiя и какъ много времени отъ обученiя отнимается на уходъ за лошадей, на домашнiе наряды и караулы. — Само собою понятнo, что при такихъ условiяхъ всякое *увлеченiе одною изъ отраслей обученiя должно принести несправимый ущербъ остальнымъ*. — Увѣренъ, что любой пропагандистъ, отуманенный излюбленной идеей, не согласится съ этимъ, а напротивъ будетъ утверждать, что его увлеченiе ни въ какомъ случаѣ вреда прочимъ отраслямъ принести не можетъ... — Могу завѣрить, что онъ жестоко ошибается — Начиная съ того, что совершенно невольно, но онъ обязательно будетъ удѣлять больше времени и вниманiя на отрасль имъ пропагандируемую; затѣмъ по вполнѣ понятной, общечеловѣческой слабости подчиненный, дѣлающiй особенные успѣхи въ этой именно отрасли, невольно займетъ первенствующее мѣсто въ умѣ и сердцѣ такого начальника. Конечно, эти обстоятельства сообщать всему обученiю специфическiй характеръ, и всѣ подчиненные проникнуты имъ.

Возьмемъ эскадроннаго командира, который отводитъ утрированно — первенствующее мѣсто стрѣльбѣ. Безъ всякаго сомнѣ-

нія, при составленіи недѣльнаго расписанія занятій, онъ будетъ всѣми силами стремиться выкроить время для подготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненій, упуская изъ расписанія «*излишнюю*» ѣзду старослужащихъ, «*слишкомъ часто*» повторяющійся классъ развѣдчиковъ или проѣздки эскадронамъ, вслѣдствіе «*невозможнаго состоянія дорогъ и погоды*»!...—Занятый своими канцелярскими и хозяйственными обязанностями, такой командиръ будетъ частенько отсутствовать на занятіяхъ гимнастикой, фехтованіемъ, а можетъ быть и на ѣздѣ молодыхъ солдатъ, но для прикладки и прицѣлки онъ навѣрно освободится отъ «канцелярщины» и поспѣшитъ на эти занятія съ своимъ контролемъ и указаніями.—Изъ всего сказаннаго, какъ логическое слѣдствіе, вытекаетъ, что нижній чинъ, всаживающій въ мишень всѣ пули безъ промаха, не только въ глазахъ командира, но и всего эскадрона,—будетъ окруженъ ореоломъ славы по сравненію съ выдающимся развѣдчикомъ, но пускающимъ 50 проц. своихъ пуль въ небо.

Конечно, никто не вправѣ умалять истиннаго значенія стрѣльбы, гимнастики, развитія духовно-нравственныхъ началъ и т. п., но съ тѣмъ вмѣстѣ, удѣляя каждой изъ этихъ отраслей подобающее мѣсто, нельзя забывать и всѣ остальные, не менѣе важныя основы обученія и воспитанія. *Нѣтъ никакой возможности достигнуть идеала во всемъ*; необходимо отдѣлить основное отъ вспомогательнаго, первостепенное отъ второстепеннаго, и въ зависимости отъ этого, взвѣсивъ всѣ условія, въ которыхъ мы находимся,—безпристрастно предъявить извѣстныя требованія *въ разумной и исполнимой дозѣ*.

Между тѣмъ, продуктомъ нашихъ безмѣрныхъ увлеченій явилось не малое количество приказовъ, категорически предписывающихъ къ неуклонному исполненію всевозможныя, очень серьезныя требованія. Если найдутся начальники, которые будутъ утверждать, что всѣ эти требованія выполняются ими точно, не причиняя никакого ущерба всѣмъ прочимъ отраслямъ обученія, то я позволю себѣ еще разъ выразить сомнѣніе въ плодотворности такой всесторонней исполнительности.

Всѣ эти приказы о стрѣльбѣ, гимнастикѣ, еженедѣльныхъ маневрахъ, бесѣдахъ съ нижними чинами, объ обученіи грамотности, сигнализаци и т. п., всѣ эти приказы для точнаго выполненія ихъ, само собою разумѣется, требуютъ не мало времени и труда. Между тѣмъ, вѣдь нельзя же забывать, что рядомъ со всѣмъ этимъ наставленія и уставы, никѣмъ не измѣненные, предъявляютъ во всей

силѣ *свои собственныя*, не менѣ категорическія, *требованія*. Съ тѣмъ вмѣстѣ время для обученія не только не увеличилось, а напротивъ уменьшилось и уменьшилось на цѣлый годъ!

Между прочимъ, мнѣ кажется, что въ этомъ обстоятельствѣ кроется также одна изъ причинъ нашей неопредѣленности, нашего бросанія изъ стороны въ сторону. Тотъ или другой начальникъ, поставленный въ опредѣленныя рамки времени, и видя невозможность удовлетворить *въ должной степени* всѣмъ предъявляемымъ требованіямъ—руководствуется при обученіи: или требованіями ближайшаго начальства, или личными взглядами; все прочее же, *предписанное нашими дѣйствующими уставами*, но не удостоенное его вниманіемъ или вниманіемъ наибольшаго, если и не окончательно игнорируется, то во всякомъ случаѣ отодвигается совершенно на задній планъ. Отсюда ясно, какое разнообразіе и какая неустойчивость должны получиться отъ всѣхъ этихъ *личныхъ* взглядовъ, отъ этой возможности самовольно распоряжаться уставами и наставленіями...

До извѣстной степени общему сумбуру способствуетъ и то обстоятельство, что находятся начальники, которые вспомогательныя отрасли обученія ошибочно приравниваютъ къ главнымъ. Разительнымъ примѣромъ нашего безразличнаго отношенія къ конечнымъ цѣлямъ обученія можетъ служить то обстоятельство, что, несмотря на исключительно строгое вниманіе, обращенное нынѣ на стрѣльбу въ кавалеріи, *уставъ стрѣльцоваго ученія отсутствуетъ*, т. е. отсутствуетъ именно то, для чего, въ сущности говоря, и необходимо учить людей стрѣлять.

Чтобы болѣе рельефно иллюстрировать нашу шаткость и весь вредъ, проистекающій отъ этого, приведу нѣсколько примѣровъ съ краткимъ разборомъ ихъ.

Вѣроятно, подъ вліяніемъ скачекъ, пробѣговъ, *concours hippique*, и т. под., посадка въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ стала въ значительной степени отличаться отъ той, которая предписывается уставомъ. Посадка съ укороченными стременами, съ колѣномъ, выпущеннымъ впередъ, съ опущенными и развернутыми носками—сдѣлалась почти обычной, не только между офицерами, но и между обучаемыми ими нижними чинами. Приходилось слышать, напримѣръ, такую фразу отъ офицера: «Кто же теперь обращаетъ вниманіе на посадку?!» или: «При всемъ желаніи, я самъ не умѣю сидѣть по уставу!» Наблюдая обученіе молодыхъ солдатъ офицеромъ съ подобнымъ взглядомъ, дѣйствительно убѣждаешься,

что на эту часть ѣзды онъ, если и обращаетъ вниманіе, то во всякомъ случаѣ далеко не первостепенное. Кстати долженъ прибавить, что взаимнъ, уставомъ требуемой, посадки, въ большинствѣ случаевъ, этотъ офицеръ не даетъ никакихъ ощутительныхъ результатовъ и по другимъ отраслямъ ѣзды.

Все только что сказанное касается по преимуществу молодыхъ офицеровъ. Это и понятно, потому что они, какъ болѣе горячій и впечатлительный элементъ, реагируютъ сильнѣе на пропаганду тѣхъ или другихъ реформъ къ прогрессу; затѣмъ свое кавалерійское обученіе они получили какъ разъ въ періодъ неустановившагося положенія и всеобщаго стремленія къ преобразованіямъ; наконецъ, самовольное примѣненіе молодежью «новой посадки» можно объяснить отчасти и тѣмъ, что имъ, какъ неопытнымъ учителямъ, гораздо легче обучить вѣранныхъ имъ чиновъ «новой», чѣмъ уставной посадкѣ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о доѣздкѣ молодыхъ лошадей. Эта отрасль представляетъ изъ себя обширнѣйшую арену для произвола и для самыхъ противоположныхъ взглядовъ: на выработку аллюровъ, на способъ уравниванія лошади, на поводъ и т. п. Конечно, въ данномъ случаѣ я не говорю о разнообразіи въ примѣненіи какихъ-либо второстепенныхъ приѣмовъ, какъ болѣе целесообразныхъ средствъ для достиженія извѣстныхъ результатовъ; всѣ эти вспомогательные приемы, какъ и при каждомъ обученіи, должны всецѣло находиться въ полномъ распоряженіи обучающаго. Я указываю на разнообразіе въ самомъ основаніи доѣздки, въ системѣ и результатѣ ея.

Достаточнымъ доказательствомъ этой неразберихи является уже то обстоятельство, что на этотъ предметъ у насъ существуетъ не одно наставленіе, а даже цѣлыхъ два: одно—1889 г., а другое—1902 г.!

Отсутствіе выработанной и утвержденной системы и всѣ грустные послѣдствія, проистекающія отъ того, вы можете легко наблюдать при посѣщеніи этихъ занятій. Вы видите, что одинъ ведетъ всю доѣздку на мундштукахъ, другой преимущественно на уздечкахъ; одинъ стремится къ крутому сбору, другой къ совершенно мягкому, вольному поводу; одинъ занятъ работой въ рукахъ, другой работой на конѣ и т. д., и т. д. Словомъ, всѣхъ разновидностей не перечестъ!...

Многимъ такое разнообразіе можетъ показаться страннымъ, быть можетъ даже не правдоподобнымъ, такъ какъ система выѣздки и всѣ приемы ея въ достаточной степени выработаны и опредѣлены офицерской школой, которыми и слѣдуетъ руководствоваться. На

это я позволю себѣ сказать: во-первыхъ, что описанное разнообразіе—несомнѣнный фактъ, а во-вторыхъ, все выработанное и практикуемое въ офицерской школѣ, къ сожалѣнію, но ни для кого *закономъ* служить не можетъ; да къ тому же легко допустить, что нѣкоторымъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, труды школы, къ несчастію, но могутъ быть и неизвѣстны.

Замѣчу, между прочимъ, что въ этой области, какъ [неопредѣленной и растяжимой *по личному* усмотрѣнію, вы можете встрѣтить совсѣмъ юныхъ и неопытныхъ офицеровъ, которые не замедлятъ зарекомендовать себя «очень свѣдущими» по этой части, доказывая все преимущество той или другой системы, степень активности того или другого ѣздока, несоотвѣтствіе требованій... того или другого командира эскадрона.

Въ неопредѣленномъ и неустановившемся взглядѣ на тѣло лошади безспорно кроется также одна изъ причинъ разнообразія въ способахъ и въ успѣхахъ обученія.—Къ величайшему сожалѣнію, но надо сознаться, что найдутся начальники, изъ убѣжденій которыхъ не успѣлъ окончательно искорениться отсталый взглядъ на тѣло лошади. Понятно, что такой начальникъ,—не въ мѣру бережливый къ движеніямъ коня,—будетъ всѣми силами стремиться выполнить рациональныя требованія въ самой минимальной дозѣ, быть можетъ даже въ ущербъ существеннымъ отраслямъ обученія.—Съ другой стороны встрѣчаются и такіе начальники, которые впадаютъ въ другую крайность. Преисполненные прогрессивными стремленіями, они слишкомъ сильно реагируютъ на нихъ и подчасъ увлекаются до такой степени, что забываютъ, что нижніе чины сидятъ не на автомобиляхъ, а на лошадяхъ, очень требовательныхъ къ разумному съ ними обращенію и имѣющихъ извѣстный предѣлъ своей работоспособности.—Думаю, что *безмѣрное* увлеченіе «современностью» въ данномъ случаѣ принесетъ дѣлу значительно больше вреда, чѣмъ нѣкоторая доля отсталости. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, оправдывать высокій процентъ испорченныхъ или уничтоженныхъ лошадей громкимъ принципомъ:—«лѣсъ рубятъ —щепки летятъ!»—Во первыхъ еще неизвѣстно, приноситъ ли эта «рубка» дѣйствительно такую колоссальную пользу, чтобы свысока смотрѣть на изобиліе «щепокъ»; а во вторыхъ, если «рубка» эта,—по личному усмотрѣнію увлекающагося начальника, —будетъ продолжаться слишкомъ долго, то мы рискуемъ остаться съ одними «щепками»!.. Какъ бы то ни было, но подобная «рубка», уже навѣрное, принесетъ существенный изъянъ, какъ боевой готовности части, такъ и казнѣ.

Приведу еще одинъ, на мой взглядъ, очень характерный примѣръ, которому я самъ былъ свидѣтель.—На парадѣ,—конечно въ присутствіи высшаго начальства,—одинъ изъ эскадроновъ позволилъ себѣ пройти церемоніаломъ, имѣя въ лѣвой рукѣ мундштучные поводья, а въ правой, сверху,—трензельные.—При всемъ желаніи найти какое нибудь логическое основаніе этому положенію рукъ и повода *на церемоніальномъ маршѣ*—нѣтъ возможности. И я не ошибусь, если скажу, что эта ненужность имѣла мѣсто только, какъ крайне смѣлое и неумѣстное подчеркиваніе какого то новаторства и какъ демонстрація противъ существующаго устава.—Кстати сказать, эта выходка прошла для инициатора ея совершенно безнаказанно.

Послѣ приведенныхъ примѣровъ выступаетъ вполнѣ логическій вопросъ: какимъ образомъ подобное своеволие, подобное противозаконіе могутъ оставаться безъ надлежащаго вниманія со стороны командира эскадрона, полка и высшаго начальства.

Мнѣ кажется, такая терпимость происходитъ, съ одной стороны, отъ того, что все чаще и чаще встрѣчаются начальники, которые пришли къ непоколебимому убѣжденію, что многія изъ уставныхъ требованій отжили свой вѣкъ и необходимо работать въ другомъ, болѣе соотвѣтствующемъ, направленіи.—Уставъ, въ ихъ глазахъ, потерялъ всякое значеніе, а извѣстное стремленіе подчиненныхъ къ прогрессу вызываетъ, въ большинствѣ случаевъ, ихъ сочувствіе.—Съ другой стороны, начальникъ,—который внутренно, быть можетъ, и не раздѣляетъ «всѣхъ этихъ» новаторскихъ взглядовъ,—но, окруженный со всѣхъ сторонъ пропагандой прогресса и, опасаясь прослыть рутинеромъ, ни къ какой репрессіи не прибѣгаетъ; въ лучшемъ случаѣ онъ ограничивается крайне осторожными замѣчаніями, а въ худшемъ—молчитъ и дѣлаетъ видъ, что вполнѣ удовлетворенъ всѣмъ происходящимъ.

Изъ всего сказаннаго мы въ достаточной мѣрѣ могли уяснить себѣ непосредственный вредъ для дѣла, проистекающій отъ упадка значенія Высочайше утвержденного устава и господствующаго произвола.—Теперь скажу нѣсколько словъ объ отрицательномъ вліяніи всего этого на нравственный элементъ кавалеріи.

Прежде всего, способъ веденія занятій, программа ихъ, конечныя требованія, предъявляемые къ обучаемымъ, къ конскому составу и т. под.,—при настоящемъ положеніи дѣла,—не только въ дивизіяхъ и полкахъ, но даже въ эскадронахъ, не могутъ имѣть повсемѣстно—однообразнаго характера.—Въ этомъ каждый изъ

нась могъ легко убѣдиться, наблюдая, до какой степени разнятся *основныя* требованія, предъявляемыя вповѣз назначенными начальникомъ дивизиі или командиромъ полка, отъ тѣхъ же требованій, предъявлявшихся ихъ предшественниками. — Вслѣдствіе подобнаго режима, любой полковникъ, принявшій полкъ, несмотря на все свое знаніе и опытъ, легко можетъ оказаться не въ должной степени освѣдомленнымъ въ сферѣ *«мѣстныхъ»* требованій. — Понятно, что помимо ненормальности такого положенія вообще, оно, къ тому же и не особенно благотворно отзовется на авторитетѣ *«молодого командира»*.

Затѣмъ, нельзя пройти молчаніемъ, что широкій просторъ для примѣненія *личныхъ взглядовъ* вноситъ крайне нежелательную, — такъ сказать, — строевую партійность въ части, наносящую ущербъ не только непосредственно дѣлу обученія, но и нравственному элементу ея, въ лицѣ уваженія къ мнѣнію старшаго. Безошибочно можно сказать, что въ каждомъ полку найдется партія офицеровъ, которые, — увлекшись извѣстными взглядами и идеями, — подводятъ все и вся подъ мѣрку своихъ воззрѣній. При этомъ, въ большинствѣ случаевъ, мнѣніе начальника, — болѣе солидарнаго съ требованіемъ устава, чѣмъ съ ними, — подвергается самой суровой критикѣ, и его служебно-строевая личность обезцѣнивается въ глазахъ этихъ прогрессистовъ до степени *«ничего не понимающаго рутинера»*. Съ другой стороны партія безнадежныхъ консерваторовъ, самыми энергичными дѣйствіями стараются всовывать палки въ колеса всякаго, даже утвержденного нововведенія, и въ свою очередь награждаютъ начальство не менѣ лестными эпитетами: *«высочки»*, *«реформатора»* и т. под. Но, оставивъ даже въ сторонѣ эти крайнія партіи, мы не можемъ не замѣтить, что зачастую самое обыденное, вполне понятное стремленіе начальника къ точному исполненію того или другого параграфа строевого устава, встрѣчается подчиненнымъ съ плохо скрываемымъ скептицизмомъ, а при удобномъ случаѣ и съ цѣлымъ арсеналомъ доказательствъ всей несостоятельности командира, предъявляющаго подобныя требованія.

Не рѣдко результатомъ всего этого является то, что въ манежѣ или классѣ, въ присутствіи начальника дѣлается одно, а въ отсутствіи его діаметрально противоположное. Вѣдь доходятъ до того, что вырабатываются спеціально извѣстные *«нумера»* только для удовлетворенія не симпатичныхъ требованій, — невзначай явившагося на занятія, — командира. Конечно, всѣ эти ухищренія прекрасно понимаются нижними чинами. Согласитесь, что подобный порядокъ деморализируетъ часть въ основаніи, а личность начальника получаетъ самое печальное освѣщеніе въ глазахъ подчиненныхъ.

Наконецъ, развѣ не приходилось вамъ слышать такого рода сужденіе: «къ чему дѣлать это по уставу, когда можно дѣлать гораздо лучше и цѣлесообразнѣе—такъ».—Часто начальникъ внутренно совершенно согласенъ съ этимъ, но нравственно обязанный передъ лицомъ своихъ подчиненныхъ поддерживать и проводить основныя директивы своего прямого начальства, не имѣетъ права уклоняться отъ нихъ. Понятно, какое ложное и досадное положеніе,—какъ лично для командира, такъ и для дѣла,—получается при этомъ.

Изъ всего вышеизложеннаго мы видимъ неотложную необходимость *радикально отрѣшиться отъ рутины*, изъять все излишнее и.—взвѣсивъ всѣ данныя,—*выработать соответствующіе уставы и наставленія*. А затѣмъ, строжайшимъ контролемъ *возстановить непоколебимый престижъ устава, этого строевого закона, вырвавъ съ корнемъ деморализующій произволъ и изъясъ всякій поводъ къ всевозможнымъ фантазіямъ*.

Для всесторонней разработки названныхъ узаконеній было бы, на примѣръ, очень цѣлесообразно составить комиссію исключительно изъ строевыхъ полковниковъ или ротмистровъ, выборъ которыхъ въ полкахъ произвести закрытой баллотировкой. Затѣмъ начальникъ дивизіи утверждаетъ одного изъ выборныхъ, какъ члена комиссіи отъ дивизіи. Въ составъ комиссіи входятъ два представителя отъ офицерской школы. Работы должны быть закончены въ трехмѣсячный срокъ.

Главнѣйшими руководящими данными для работы названной комиссіи послужать выводы изъ опыта послѣднихъ лѣтъ вообще и результаты: трудовъ офицерской школы, пробѣговъ и скачекъ. Въ выработанныхъ, такимъ образомъ, наставленіи и уставахъ,—на фонѣ вспомогательныхъ отраслей обученія,—должны вполнѣ ясной и рельефной нитью проходить *главнѣйшія, боевыя цѣли того или другаго обученія*.

Для большей наглядности, позволю себѣ набросать въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ основныя данныя, къ которымъ все одиночное обученіе должно стремиться, и указать несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ современныхъ взглядовъ и требованій ¹⁾.

Все одиночное обученіе и воспитаніе должно сводиться: 1) къ развитію и подъему здороваго воинскаго духа; 2) къ выработкѣ свѣдущаго, выносливаго и смышленнаго полевого всадника; 3) къ

¹⁾ Болѣе подробно это изложено въ статьѣ того же автора. «Мысли о веденіи занятій въ кавалеріи». «Военн. Сборн.» 1905 г. № 1—3.

отличному владѣнію холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ и 4) къ выработкѣ выносливой лошади, послушной волѣ всадника.

Развитіе и подъемъ воинскаго духа. Эта область, хотя и не имѣетъ прямого отношенія къ затронутому мною вопросу, но важность ея и особое вниманіе, удѣляемое ей въ настоящее время, заставляютъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу.

Я имѣлъ уже случай высказаться на страницахъ «Военнаго Сборника» довольно подробно объ этомъ предметѣ¹⁾, теперь же ограничусь тѣмъ, что скажу, что подъемъ нравственныхъ силъ подчиненныхъ зависитъ *всецѣло отъ корпуса офицеровъ*, отъ нравственности, характера, умственного развитія и служебной личности ихъ. Конечно, громадную роль, въ дѣлѣ развитія здороваго духа въ средѣ нашего простолюдина, играютъ *народное воспитаніе и обученіе* съ ихъ представителями—сельскимъ духовенствомъ и народными учителями. Но этотъ сложный, государственный вопросъ внѣ всякой сферы моей компетенціи...

Къ величайшему сожалѣнію, но при отсутствіи только что упомянутыхъ основъ или при недостаточномъ вниманіи къ нимъ, намъ приходится волей-неволей удовлетворяться различными паліативами, хотя бы вродѣ всевозможныхъ бесѣдъ съ нижними чинами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что умѣло и систематично производимыя чтенія приносятъ безусловную пользу, но утрировка въ этомъ направленіи, какъ и всегда, неминуемо приноситъ существенный вредъ. Согласитесь сами: приказами предписывается производить бесѣды помощнику командира полка, командиру эскадрона, офицерамъ, священнику и врачу. Для того, чтобы существовала хотя кое-какая система въ этомъ циклѣ чтеній, необходимо удѣлить имъ значительное количество времени; затѣмъ, смѣю думать, далеко не всѣ изъ упомянутыхъ лицъ представляютъ изъ себя умѣлыхъ,—а значить и дѣйствительно полезныхъ—лекторовъ для солдатской аудиторіи. А при этихъ условіяхъ можно съ увѣренностью сказать, что чтенія, въ большинствѣ случаевъ, обратятся въ безцѣльную и скучную трату времени.

Выработка свѣдущаго, выносливаго и смышленнаго полевого всадника. Крайне сомнительно, чтобы означенныя качества могли выработаться манежной ѣздой съ ея,—изъ года въ годъ повторяющейся,—полировкой или автоматическимъ болтаніемъ всадника въ строю эскадрона!.. Мы ограничиваемся изученіемъ одной азбуки, а

¹⁾ «Нравственный элементъ, какъ основа управленія, воспитанія и обученія». «Военн. Сборн.» 1907 г. № 11—12.

къ чтенію не переходимъ. У насъ даже нѣтъ вполне выработаннаго метода обученія полевой ѣздѣ.

Къ тому же, необходимо прибавить, что одиночное обученіе на мѣстности всѣмъ тѣмъ разнообразнымъ функціямъ, исполненіе которыхъ въ военное время потребуется отъ кавалериста, — т. е. все то, *для чего* онъ именно и долженъ выучиться ѣздить, — почти совершенно отсутствуетъ. Какъ будто мы забываемъ, что на театрѣ войны ѣзда является *только средствомъ* быстрого передвиженія *обученнаго бойца, свѣдущаго и смѣшленнаго кавалериста.*

Полевая служба это вѣнецъ всего обученія. Конечно, каждому вполне понятно, что одно теоретическое, — хотя бы самое добросовѣстное, — изученіе статей полевого устава не можетъ дать никакихъ существенныхъ результатовъ. Успѣхъ примѣненія теоріи на практикѣ, въ данномъ случаѣ, зависитъ не столько отъ знанія, сколько отъ находчивости, сообразительности, рѣшимости и другихъ индивидуальныхъ качествъ того или другого исполнителя.

Да простятъ мнѣ мое нѣсколько фигуральное сравненіе, но думаю не ошибусь, если скажу, что полевой уставъ представляетъ изъ себя одну только канву, по которой искусствомъ и «художественнымъ чутьемъ» воспроизводится тотъ или другой узоръ. Цѣль всѣхъ нашихъ занятій въ этой области должна заключаться именно въ томъ, чтобы развить въ офицерахъ и нижнихъ чинахъ это искусство, выработать въ нихъ этотъ «художественный даръ» и заставить полюбить этотъ *благородный и истинно кавалерійскій спортъ!*

Для большаго разъясненія настоящаго вопроса считаю необходимымъ уклониться въ сторону и сказать нѣсколько словъ о скачкахъ.

Посмотримъ, какую пользу этотъ спортъ можетъ принести офицеру, — конечно, не касаясь вопросовъ финансоваго свойства и удовлетворенія мелкаго тщеславія.

Во-первыхъ, подготовкой къ состязаніямъ офицеръ приобретаетъ солидное знаніе лошади, практически усваиваетъ работоспособность и втягиваніе ее въ работу; во-вторыхъ, детально изучаетъ уходъ, кормъ и ковку; въ третьихъ, скачка развиваетъ въ офицерѣ смѣлость, хладнокровіе, быстрое принятіе того или другого рѣшенія; въ четвертыхъ, физически развивая и тренируя спортсмена, вырабатываетъ изъ него выносливаго полевого ѣздока.

Изъ этого перечня нельзя не видѣть, что скачка можетъ принести офицеру дѣйствительную пользу только въ томъ случаѣ, если онъ отдастся этому спорту почти безраздѣльно, посвящая ему солидное количество времени. И дѣйствительно, каждый командиръ

полка, въ спискахъ котораго имѣются *серьезные* скакуны, можетъ засвидѣтельствовать, какъ много времени, особенно въ періодъ лѣтнихъ занятій, требуется спортсменамъ для ихъ специальной работы. Является вопросъ, въ достаточной ли мѣрѣ окупается этотъ ущербъ строевой службѣ тѣми плюсами, которые пріобрѣтаются на скаковомъ кругу. Вѣдь нельзя забывать, какія серьезныя и разнообразныя требованія предъявляются нынѣ къ знанію и умственному развитію офицера-воспитателя и начальника.

Во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы *истинный спортсменъ*, которому скачки только и могутъ принести *дѣйствительную пользу*, т. е. именно ту пользу, наличностью которой и оправдывается весь смыслъ скачки, чтобы такой офицеръ съ должнымъ вниманіемъ и любовью относился къ разнородной, подчасъ крайне кропотливой, работѣ въ части. Но допустимъ, что на этотъ вопросъ мы получимъ самый благопріятный отвѣтъ; но и въ этомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этотъ офицеръ, благодаря своей страсти, не въ состояніи будетъ удовлетвориться уставными требованіями, а будетъ тянуть въ сторону своего фанатизма, придавая всему дѣлу свой собственный специальный оттѣнокъ.

Долженъ прибавить, къ сожалѣнію, но встрѣчаются офицеры, которымъ удалось два, три раза случайно продебютировать на ипподромѣ, къ тому же на ихъ несчастіе еще и съ успѣхомъ. Вотъ этимъ офицерамъ скачка принесетъ одинъ только вредъ. Подобные дебюты основательныхъ знаній принести не могутъ, съ тѣмъ вмѣстѣ успѣхъ и налету нахватавныя свѣдѣнія, вскруживъ голову, въ большинствѣ случаевъ, сообщать дебютанту ложное самонѣніе, крайне вредно вліяющее на его службу.

Теперь, послѣ всего сказаннаго о скачкахъ, предлагаю представить себѣ, что дѣло изученія полевой службы на практикѣ, со всѣми задачами, возлагаемыми въ военное время на кавалериста, стоитъ у насъ на подобающей высотѣ. Всѣ эти занятія ведутся у насъ по извѣстной, выработанной системѣ самымъ энергичнымъ образомъ, съ любовью и полнымъ вниманіемъ. Легко понять, какая обширнѣйшая арена открывается при этомъ для крайне разностороннихъ и интересныхъ упражненій. Помимо обученія, въ тѣсномъ смыслѣ, является полный просторъ для организаціи самыхъ разнообразныхъ, глубоко осмысленныхъ, состязаній, обязательныхъ какъ для офицеровъ, такъ и для нижнихъ чиновъ.

Очевидно, что при такой постановкѣ дѣла вся польза, которая пріобрѣтается офицеромъ на скачкахъ, остается въ полной силѣ;

всѣ отрицательныя стороны скачекъ безусловно отпадаютъ; затѣмъ, самое главное,—это то, что подобнымъ спортомъ и всесторонней подготовкой къ нему развивается не только въ офицерахъ, но и въ нижнихъ чинахъ, то искусство въ полевой службѣ, которое неразрывно связано съ понятіемъ объ истинномъ кавалеристѣ и *которое оправдываетъ его присутствіе на театрѣ войны*. Я не говорю уже о томъ, что этотъ спортъ гарантируетъ офицера отъ всевозможныхъ нежелательныхъ неловкостей по отношенію тотализатора, публики, конюшенныхъ интригъ и т. п.

Отличное владѣніе холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ одной изъ моихъ статей я имѣлъ уже случай высказать мнѣніе, что, по логикѣ, кавалеристъ долженъ умѣть стрѣлять лучше любого «стрѣлка», такъ какъ ему приходится нерѣдко открывать огонь «съ налета», т. е. непосредственно послѣ невольной суеты спѣшиванія. Но со всѣмъ этимъ лично я убѣжденъ, что достигнуть подобнаго результата на дѣлѣ невозможно, не причиняя ущерба всѣмъ прочимъ отраслямъ образованія кавалериста. Возможно только, до извѣстныхъ предѣловъ, поднять общій уровень стрѣльбы.

Это мое убѣжденіе основано на томъ соображеніи, что при должномъ уходѣ за лошадыю и добросовѣстномъ, *вполнѣ соответственномъ*, отношеніи ко всѣмъ прочимъ отраслямъ обученія, кавалеристъ не можетъ удѣлять достаточно времени для подготовительныхъ къ стрѣльбѣ упражненій, требующихъ постоянной практики и крайне внимательнаго отношенія къ нимъ. Затѣмъ, мнѣ кажется, что весь корпусъ офицеровъ кавалеріи, т. е. весь составъ начальниковъ, учителей и воспитателей нижнихъ чиновъ, никогда не смогутъ любовь и интересъ къ коню промѣнять на привязанность къ винтовкѣ. Такое естественное предпочтеніе, оказываемое команднымъ элементомъ своему главному оружію—коню, несомнѣнно отзывается на обученіи и невольно прививается къ понятіямъ нижняго чина. Это одно служить серьезнымъ препятствіемъ для кавалериста въ достиженіи результатовъ мало-мальски схожихъ съ блестящими результатами стрѣльбы пѣхотинца.

Въ сущности, возникаетъ даже вопросъ: было ли бы лучше, если бы было иначе.

На основаніи сказаннаго смѣю думать, что требованія по стрѣльбѣ, предъявляемыя нынѣ къ кавалеріи, не выполнимы. Улучшить стрѣльбу необходимо и безусловно возможно, но требовать «объять необъятное» невозможно. Казалось бы очень полезнымъ, для поощренія и нравственнаго удовлетворенія, понизить въ кавалеріи.

нынѣ существующую, но недостижимую для нея оцѣнку стрѣльбы. Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ и того обстоятельства, что теперешнее вниманіе къ стрѣльбѣ было вызвано исключительно послѣдней войной. Между тѣмъ, не слѣдовало бы забывать, что по многимъ причинамъ роль кавалеріи въ этой войнѣ, въ большинствѣ случаевъ, была не совсѣмъ обычна. Легко себѣ представить, что, имѣя дѣло съ другимъ противникомъ, другой мѣстностью и т. п., у насъ обнаружили бы другіе, не менѣе важные дефекты; хотя бы, напримѣръ, въ слабости несенія полевой службы, въ отсутствіи пикъ, въ несоотвѣтствіи конскаго состава и т. п. А потому, мнѣ кажется, въ значительной мѣрѣ ошибочно, подъ впечатлѣніемъ тѣхъ или другихъ неудачъ, направлять свою работу по самоусовершенствованію предпочтительно въ одну сторону.

Выработка выносливой лошади, послушной воли всадника. Распространяться по данному вопросу не приходится. Послѣ всего сказаннаго ясно, что характеръ нынѣ производимыхъ занятій и связанное съ ними манежно-стадное воспитаніе лошади, не могутъ удовлетворить приведенному принципу. Несомнѣнно, что это же самое мѣшаетъ намъ выработать въ себѣ вѣрный и вполне опредѣленный взглядъ на работоспособность и рабочее тѣло лошади.

Считаю умѣстнымъ высказать мнѣніе, хотя и не имѣющее прямого отношенія къ разбираемому вопросу, но тѣсно связанное съ отношеніемъ къ конскому составу.

Нахожу, что у насъ придаютъ преувеличенное значеніе чисткѣ лошади; напримѣръ, къ чему при вечерней уборкѣ практикуется самое старательное скобленіе коней?!. Вѣдь нѣкоторые командиры эскадроновъ, въ погонѣ за идеаломъ «туалета», прибѣгаютъ къ всевозможнымъ секретнымъ ухищреніямъ вродѣ подпаливанія, натиранія стеариномъ и керосиномъ, каторжнаго труда по вытягиванію шерсти и т. п. Все это, совершенно непроизводительно отнимаемая масса времени, безцѣльно утомляетъ нижнихъ чиновъ и до извѣстной степени даже озлобляетъ ихъ.

Послѣ всего сказаннаго прибавлять ничего не приходится. Остается только выразить самое искреннее, сердечное пожеланіе, чтобы этой неопредѣленности, этой произвольной переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей, на благо и процвѣтаніе нашей родной кавалеріи, возможно скорѣе былъ положенъ конецъ.

Дроздъ-Бонячевскій.